

Мне нужно было определиться: либо остаться верным Господу и соблюдать субботу, либо строить музыкальную карьеру

Рассказывает Владимир Гуменюк, пастор Церкви адвентистов седьмого дня (поселок Литин, Винницкая область), музыкант, певец, композитор, автор христианских песенных хитов «Небо Эдема», «Луч тающей звезды».

Владимир Васильевич, как Вы нашли свой путь к Богу и к профессиональному призванию?

Господь ведет нас по жизни. Если мы к Нему прислушиваемся, то Он помогает на этом пути. Родители у меня верующие, впрочем, бабушка и дедушка тоже. Бабушка по линии отца была солисткой в православном хоре. Вместе с мужем они читали Священное Писание, однажды обратили внимание на четвертую Божью заповедь. Затем познакомились с адвентистами и стали членами Церкви. Так что я родился уже в семье адвентистов. Мой отец был священнослужителем в Винницкой области.

Конечно, в детстве серьезных вопросов было меньше, а когда уже оканчивал школу, тогда я думал, какую профессию избрать, что, вообще, делать дальше. Появлялись мысли и такого характера: «Почему я такой, хожу именно в эту церковь? Только из-за того, что мои родители адвентисты, что я родился в этой семье?». «А есть же и другие верующие», – думал я в подростковом возрасте.

Потом, когда я начал больше изучать Писание, со временем определился: зачем искать что-то другое, когда я знаю истину? Когда появилось это убеждение, тогда развеялись все сомнения.

Если говорить по поводу выбора профессии, у меня было много разных вариантов. О пасторском служении как-то не думал. Из

военкомата меня послали в Морскую школу ДОСААФ, где готовили электромехаников-дизелистов (для службы на подводных лодках или в ракетных войсках). Там я освоил профессию электрика (у меня допуск к напряжению электрического тока 10 000 вольт).

Затем, уже в Минске, работал электриком – обслуживал две поликлиники. Это не мешало моему активному служению в Церкви. Как раз в Минске община меня избрала пресвитером. Мне тогда было 24 года. Это служение я нес два года, пока не уехал оттуда.

В столице Белоруссии я активно занимался музыкой, ведь там был известный христианский музыкант и композитор Удо Соколовский. Кстати, он меня и пригласил туда с целью делать совместные музыкальные записи. Это было плодотворное время. Мы с Удо написали несколько десятков песен, создали группу «Екклезиаст» и записали два альбома.

Когда отец был на служении в Житомире, я переехал туда, помогал в молодежном и музыкальном служении. А работал на химзаводе электриком.

Потом меня пригласили в Одессу для занятий с церковным хором. В Одессе мы начали проводить первые евангельские программы. В начале 90-х годов мы их представляли как благотворительные концерты духовной музыки. Было много пения, и в промежутках – немного проповеди.

Так как я был музыкальным руководителем общины, я чувствовал большую ответственность. Приходилось очень плотно заниматься (и с хором, и с небольшими коллективами), чтобы подготовить эти концерты. В Одессе у нас был и молодежный музыкальный коллектив, мы сотрудничали с музыкантами из Николаева, Болграда и других городов. В Одессе с музыкальным служением мне во многом помогала Дана Пилипчук, которая стала моей спутницей жизни.

Для меня большим опытом было мое участие в хоре Элиты Соколовской «Глория» (у этого хора были еще и другие

названия). Это был сборный коллектив, куда съезжались хористы из Украины, России, Латвии. Наши встречи отличались доброжелательной творческой атмосферой.

Репетиции часто бывали в Туле, но хор давал концерты в разных городах. Достаточно широкая была география – от Хабаровска на Дальнем Востоке до Голландии (Утрехт) и Швеции на Западе. На одном из таких концертов прозвучало обращение к хористам с просьбой организовать коллектив для музыкального сопровождения евангельских программ. Мы создали мужской квартет и около года ездили по евангельским программам в Москве, Санкт-Петербурге, Калининграде, Пскове, Ярославле, Мурманске.

Однажды Николай Арсентьевич Жукалюк пригласил меня к себе на беседу. Он сказал: «Сколько ты будешь обслуживать программы, где-то постоянно ездить? Давай к нам, здесь тоже есть необходимость в служении, в частности, в музыкальном». Он пригласил меня жить в Киеве, заниматься там служением и развивать и музыкальное служение. Это было в 1994 году. В Киеве я служил начинающим библейским работником и, конечно же, музыкантом.

Потом Вы получили богословское образование?

Я прошел полугодовой курс для начинающих служителей – библейских работников – в Пуще-Водице под Киевом. А затем учился в городе Буча (Киевская область, сегодняшний Украинский адвентистский теологический институт). Тогда это считалось филиалом Заокской духовной академии, так что степень бакалавра богословия получил еще в Заокском.

Не было ли у Вас искушения пойти именно по музыкальной стезе в профессиональном плане, зарабатывать как музыкант?

Желание было, но никто сильно не искушал. Расположенность у меня к этому имелась, и если бы были какие-то серьезные предложения или возможности, это могло бы стать сильным соблазном. Но так получилось, что мои музыкальные знания оказались более востребованными именно в служении.

Может, я по характеру не такой настойчивый, чтобы самому открывать какую-то музыкальную студию. Для этого изначально надо иметь базу, хотя бы финансы. Если меня приглашают куда-то как музыканта, если есть в этом необходимость, я могу помочь. Но это имеет эпизодический характер. А так, стабильно я занимаюсь именно служением.

Получается, Вы до того, как стали библейским работником и пастором, работали электриком?

Было разное. У меня есть и строительная специальность. После школы занимался озеленением в городе Тульчин (Винницкая область). Многие из нашей церкви работали на том предприятии. Там надо было и отапливать, и кочегарить, и стричь газоны.

Потом, уже в Минске, недолго проработал на стройке, затем был электриком в ремонтно-техническом управлении при Министерстве здравоохранения. Под моим управлением в плане электроснабжения, как я уже рассказывал, было две поликлиники Минска. В Житомире на химзаводе был электриком, потом и кладовщиком, а в Одессе мыл большие витрины, это была особенная специальность.

Вы окончили школу, музыкальную школу, а где учились после этого?

Я учился в Морской школе ДОСААФ. Там я как раз и получил «корочки» электрика и дизелиста. После этого приобрел еще профессию водителя. Я мог бы стать водителем, потому что у меня есть категории А, В, С, предлагали еще открыть следующую категорию. Была такая возможность, но этот вариант я не рассматривал.

Еще я учился в музыкальном училище. Это было в советские времена, и с субботой было тогда сложно. Я уже принял крещение, и мне нужно было определяться: или я остаюсь верным Господу и соблюдаю субботу по заповеди, или строю карьеру и учусь, потому что занятия были и в субботу. У меня были пропуски по субботам на первом курсе.

Один год я так проучился, и понял, что больше не смогу. Но за то время у меня завязалась хорошая дружба с одним из музыкантов. Мы создали группу, где играли студенты музыкального училища. А еще в тот год я познакомился с одним человеком – единственным парнем на фортепианном отделении. Мы подружились с ним и часто вместе репетировали (благо, в училище были классы с двумя пианино).

Кроме того, он ходил еще в композиторский кружок и пригласил туда и меня. Мы играли что-то такое авангардистское, в своих музыкальных экспериментах мы не были связаны ни тональностью, ни ритмом, но это научило меня обращаться с инструментом намного свободнее. Он говорил: «Смотри шире». Это было хорошим стартом в музыкальном творчестве и игре на клавишных инструментах.

Не было ли такого ощущения, что та музыка, которую Вы играли в студенческих музыкальных коллективах, идет вразрез с духовной музыкой?

Конечно, та музыка не соответствовала церковным канонам. Просто в церкви такое не сыграешь, также подобная музыка подойдет не для каждого концерта. Для всякой музыки есть своя аудитория и обстоятельства. Это было нечто эксклюзивное, для камерной аудитории. Это было просто выражение эмоций, чувств. Это подобно картинам: картины бывают разные, но каждая несет какое-то чувство, настроение.

То же самое и с музыкой: мы, подростки, выкладывали свою энергию, эмоции, которые у нас были, экспериментировали с разными стилями. Это была самая разнообразная гамма чувств. Конечно же, такая музыка была не для церкви. Но я не сказал бы, что это как-то противоречило моим христианским убеждениям. Так же, как у нас в доме могут быть различные картины, пейзажи, которые мы не приносим в церковь, чтобы там их рассматривать.

В юности я слушал самую разнообразную музыку, знакомился с

ней. Конечно, сейчас, имея больше опыта, понимая воздействие музыки, я отношусь к музыке более требовательно, избирательно.

Тем не менее, в церковной музыке сегодня очень сильное влияние имеет традиция. Причем, в разных культурах – свои традиции и стандарты. Церковные музыкальные стандарты – это, скорее, вопросы «мнений», как писал апостол Павел. Церковная музыкальная культура имеет, скорее, не библейское основание, а традицию.

Например, в Украине есть своя национальная культура, и для многих из нас восприятие «правильной» церковной музыки преломляется через пласт своей национальной музыкальной культуры. То есть для украинца самая «духовная» музыка – та, которая созвучна украинской народной традиции. Скажем, песня «Вірний Спасителю мій». У неё типично украинская мелодия – напевная, красивая. Для нас она просто ложится на сердце.

Но попробуйте сыграть какую-то африканскую мелодию на африканских народных инструментах – и это украинцам будет резать слух. Для Бога же нет разницы, африканец ли ты, украинец или кто-то еще. Это вопрос традиции, культуры, а не то, что касается христианства в чистом виде.

Вернусь к Вашей биографии. В музыкальной школе у Вас не было проблем с субботой?

В музыкальной школе не было проблем, потому что, наверное, там с самого начала знали, кто я, и в отношении ко мне были некоторые поблажки. Началось это все с поступления. Каждого ребенка проверяют – ритмику, слух, голос. Простучать ритм не было проблемой, я точно повторил так, как мне настучали, спел песенку. Затем мне говорят: «Отвернись от пианино, тетя нажмет клавишу, а ты ее должен найти».

У меня дома был инструмент, поэтому я примерно ориентировался, где низкие и высокие звуки. Но попасть сразу на нужную ноту – это мне показалось непростым. Преподаватель нажала ноту, и я примерно понял, какая она. Нажал ноту «си», понял, что ошибся,

и сразу же исправил на «ля». Я очень огорчился, посчитал это провалом. В комиссии говорят: «Ну, хорошо, еще проверим». И когда нажали вторую ноту, я сразу нашел ее. Думаю про себя: «Может, теперь реабилитируюсь».

Они заинтересовались, говорят: «Давай еще разок». Еще несколько раз меня проверили, нажимая и черные клавиши. Я все ноты находил сразу. Затем они спрашивают: «Как это ты попадаешь?». «Ну, вы же сказали, что надо попадать на эти ноты», – отвечаю я. «Нет, мальчик, ты просто должен был найти нужную ноту, нажимая поочередно все клавиши, а ты находишь ноты сразу». Оказывается, задача была намного проще, а я ее сам себе усложнил, но вышел с честью.

Учитель по классу кларнета уговорил, чтобы я шел на его отделение. А я хотел на фортепиано. Здесь есть нюанс: на пианино нужно учиться семь лет, а на других инструментах – пять. Был аргумент, что если пойду на кларнет, то после окончания восьмого класса общеобразовательной школы я смогу поступить в училище, но если я буду учиться на фортепиано, то я не смогу окончить музыкальную школу к этому времени. Ведь туда я поступал довольно поздно – третьеклассником.

Тогда преподаватель фортепиано (а это была лучшая учительница в этой школе) убедила меня идти на кларнет, а параллельно пообещала учить меня игре на фортепиано. То есть в музыкальной школе меня сразу заметили, и мы изначально оговорили условия. В училище было значительно сложнее, там был комсорг...

Расскажите, пожалуйста, о вашей деятельности как составителя нотных христианских сборников. Для меня стало открытием, что Вы причастны к изданию известного детского сборника песен «Поющие сердечки».

«Поющие сердечки» – это мой первый нотный сборник. Песни для него собрала группа адвентистских студентов из Украины и России, которые учились в Норвегии медицинскому евангелизму. В основном, в сборник вошли норвежские детские песенки и немного

наших. Был подготовлен перевод.

Я приехал в Норвегию, и за месяц напряженной работы подготовил сборник к печати. Я был редактором, музыкальным редактором, корректором, переводчиком (к слову, «Был я в зоопарке» – это мой текст), наборщиком нот. Текст под нотами пришлось писать от руки: в то время в Норвегии для нотного редактора не нашли кириллицы.

Второй сборник, «Господь – моя песня», я подготовил к печати уже в Киеве (1995 год) из того материала, который был у меня (некоторые свои песни я включил в него). Здесь я – составитель, музыкальный редактор, наборщик нот и текста. А для литературной редактуры и корректуры пригласили специалиста.

Потом подготовил для издательства «Джерело життя» еще два сборника: «Пісні хвали» и «До тихої пристані».

Ну, и наконец, «Псалмы Сиона». Мы постарались сделать копию оригинала 1927 года, внося лишь самые необходимые правки (как в нотах, так и в тексте).

В трех последних упомянутых выше сборниках я был музыкальным редактором, наборщиком нот и текста (в сборнике «До тихої пристані» – еще и составителем, хотя там мы советовались еще с некоторыми ведущими музыкантами нашей Церкви).

Вопросы – Галина Кушнир